

УДК 94(47+57)«1917/1991»
ББК 63.3(2)632

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ САРАТОВА И СТАЛИНГРАДА ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Ю.Ю. Батурина

Автор на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, анализирует реакцию профессорско-преподавательского состава вузов Сталинграда и Саратова на доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС, дает характеристику основным вопросам, задаваемым преподавателями на партийных конференциях: об отношении к Сталину, о причинах культа личности, о преподавании общественных дисциплин.

Ключевые слова: *высшее образование, научно-педагогическая интеллигенция, идеология, XX съезд КПСС, Саратов, Сталинград.*

XX съезд КПСС стал поворотным событием всего «хрущевского десятилетия». Низвержение Сталина с пьедестала повлекло за собой изменение партийной линии, перемены в мировоззрении советских граждан и, прежде всего, научно-педагогической интеллигенции. Типичные областные центры российской провинции – Саратов и Сталинград – обладали значительным научно-образовательным потенциалом, что привлекает к ним внимание в плане изучения реакции преподавательского состава на решения XX съезда КПСС.

Актуальность данной темы подтверждается большим количеством публикаций и конференций в течение последних двадцати лет [1–4; 6, 7; 9; 11–14; 19; 21]. Предметом анализа и острых дискуссий при этом стал широкий спектр явлений, предшествовавших съезду, сопутствовавших ему и последовавших за ним. Однако роль местной интеллектуальной элиты в процессе десталинизации общества остается фактически не изученной. Цель данной статьи – восполнить этот пробел и проанализировать общественно-политические настроения профессорско-преподавательского состава, сформировавшиеся под влиянием XX съезда КПСС.

В марте доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» [20] был прочитан на партийных собраниях в высших учебных заведениях Саратова и Сталинграда. Все партсобрания прошли в закрытом режиме с предупреждением присутствовавших, что ни вопросов, ни прений не будет допущено. Помимо официального одобрения преподавателями решения съезда, о чем свидетельствуют протоколы партсобраний и отчеты об их проведении, имелась и обратная сторона, а именно недовольство и огромное множество самых разнообразных вопросов, показывающих большую взволнованность и смятение среди вузовской интеллигенции. Некоторых вопросов на собраниях избежать не удалось, и ответы на них пришлось давать.

Большую часть присутствовавших интересовало, как теперь относиться к Сталину. Его политику резко осуждали и непримиримо требовали извлечь все вытекающие выводы.

«Какой можно считать деятельность Сталина в общем – положительной или отрицательной? Каково участие Сталина в разработке плана разгрома немцев под Сталинградом? Знал ли Сталин один о сроке начала войны или знало все Политбюро? Как получилось, что после смерти Ленина стал Сталин во главе государства? Как будет дело обстоять с мавзолеем? Вынесут ли Сталина из

мавзолея, и что будет с портретами Сталина?» – такие вопросы звучали на открытых партсобраниях факультетов Сталинградского института инженеров городского хозяйства [17, л. 21–22].

Было задано много вопросов о действительной роли Сталина в революционном движении, в создании партии, в строительстве социализма, а также об оценке теоретических работ Сталина.

На закрытом партийном собрании Сталинградского педагогического института были заданы следующие вопросы: «Можно ли считать, в общем, Сталина виднейшим деятелем международного рабочего движения? Как относиться к теоретическому наследию Сталина? Какова роль Сталина в разработке марксистско-ленинской теории? Действительно ли Сталин углубил учение Ленина или только перефразировал?». На это докладчик секретарь Ворошиловского РК КПСС Бочкарев отвечал, что «Краткий курс и целый ряд работ будут критически пересмотрены. Но Сталин был сильный теоретик и этого съезд не отрицал» [18, л. 18].

Также ставился вопрос не только об осуждении культа Сталина, но и всех, кто этот культ поддерживал. Члены партийной ячейки Сталинградского института инженеров городского хозяйства интересовались: «Почему не могли говорить о культе личности на XIX съезде, а только на XX съезде? Если члены ЦК подчинялись беспрекословно Сталину, то они также могут подчиняться и другому? На что же смотрел Вышинский, как главный прокурор, на дела, которые велись под его руководством, ведь он был опытным юристом? Как смотрел на это председатель президиума СССР М.И. Калинин, разрешая подобные дела? Как могло получиться, что ЦК выполнял приказания Сталина во время войны, когда они были неверны? Как расценивал Маленков действия Сталина и почему он так быстро отказался от руководства нашей страной, не связано ли это с делом Сталина?» [17, л. 21–22].

Велико число вопросов об объективных условиях возникновения культа личности при социализме. Пытаясь ответить на них, некоторые преподаватели выдвигали мысль о создании в стране большого слоя советской

бюрократии и ставили под сомнение социалистическую сущность общественного и государственного строя. Отдельные ставили вопрос об опасности перерождения партии и советского государства. Во многих выступлениях слышалась растерянность вузовских работников, поскольку они верили партийному руководству. Но именно верхушка ВКП(б), как выяснилось на XX съезде, обманывала научно-педагогическую интеллигенцию и вынуждала ее нести неправду студентам. Преподаватель Сталинградского пединститута А. Шильников говорил, что его волнует положение в партии, которое было ненормальным и в котором повинен не только Сталин. «Куда пойдет наша партия или, точнее, – как будет идти? – спрашивал преподаватель. – Кто первым крикнул о Сталине? Люди, находящиеся возле него. Как исправить это положение? Мне кажется, чтобы этого не повторилось, надо основательно разобраться в виновниках всех последствий культа личности» [18, л. 14].

Вузовская интеллигенция с высокоразвитыми аналитическими способностями позволяла себе усомниться не только в Сталине, но и в непогрешимости самой советской системы. Вопросы шли гораздо дальше предложенного Хрущевым объяснения причин возникновения «культа личности». «Где гарантия, что через 20 лет не появится новый Сталин? – задавал вопрос преподаватель Сталинградского пединститута Филатов. – А ведь он работал с Лениным, его избрал ЦК!». Основную причину этого преподаватель видел в неприкосновенности членов партии, когда не органы прокуратуры, а только секретарь райкома и выше имел право решать вопрос об аресте. «Но физическое уничтожение людей не должно решаться единолично, а коллегиально. Это должно быть оговорено в Уставе КПСС. Любое дело разбирают в присутствии члена КПСС, а его уничтожение – без него», – завершил свою мысль Филатов [там же, л. 16].

Следует отметить, что вопрос о культе личности рассматривался на собраниях под углом зрения дальнейшего преподавания общественных дисциплин в вузах. Преподаватели Саратовского педагогического института заявили, что борьба с пережитками культа личности – это не кампания, а длительная работа, которая требует много времени и труда,

так как восхваление Сталина имело место во всех курсах общественных наук, но это произошло не по вине преподавателей [16, л. 21]. «Можно ли бросить упрек работникам общественных кафедр в начетничестве и толмудизме? – спрашивал преподаватель Сталинградского пединститута Авдеев. – Можно, они не без греха. Но могли ли мы этой работой заниматься, исследовать, делать самостоятельные выводы? Нет, так как мы ставились в узкие рамки – от и до. Вот поэтому и создался культ личности, перепевы, застой мысли в общественных науках, каждый ждет указаний сверху. Надо раскрепостить ум и дать возможность людям выступать на страницах журналов и газет и других печатных изданий» [18, л. 18].

В то же время в отчете о работе кафедры основ марксизма-ленинизма Сталинградского института инженеров городского хозяйства утверждалось, что «несмотря на вредные последствия культа личности, генеральная линия нашей партии была и остается правильной и что нельзя смешивать борьбу против культа личности с попыткой охаивания политики Советского государства и Коммунистической партии» [5, л. 70].

Многие из заданных вопросов так и остались без ответов. Огромные политические и психологические трудности возникли у руководителей среднего и низшего звена, непосредственно общавшихся с рядовыми членами партии – преподавателями вузов. Работники идеологического аппарата партии не знали часто, что делать, что говорить, как объяснять события прошлых лет.

Общественно-политическая активность научно-педагогической интеллигенции продолжилась и после партсобраний, уже вне рамок знакомства с докладом. Некоторые преподаватели вузов пошли в критике вождя намного дальше партийных «лидеров», правда, поплатившись за это своей работой. Так, заведующий кафедрой философии Саратовского государственного университета С.В. Николаев, оценивая личность Сталина, «поставил его, по существу, на одну доску с Гитлером и Керенским» (вскоре был снят с должности), а доцент А.Ш. Рорер высказывал мысль о необходимости окончательного развенчания Сталина, считая, что он «полностью отходил от марксизма-ленинизма

и все его теоретические работы являются грубой вульгаризацией марксизма» [8, л. 77]. Преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма Сталинградского пединститута Авдеев был исключен из членов КПСС и уволен из вуза за то, что при обсуждении итогов работы XX съезда КПСС высказал мнение о необходимости наличия в стране двух партий с целью стимулирования развития критики [10, л. 50]. Преподаватель Н.Е. Иллерицкий из Сталинградского механического института в обсуждении итогов съезда на партсобрании говорил о муссировании среди преподавателей и студентов вопросов о культе личности, в том числе таких, как: «Где были члены политбюро, что допустили такие ошибки?». Единственным его предложением было «учитывать эти настроения и с ними бороться» [15, л. 44–47]. Преподаватель Сталинградского педагогического института Рыкин настаивал на бдительности и сохранении партийной тайны при обсуждении итогов съезда [18, л. 20].

Таким образом, первоначальная реакция на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» была бурной, живой. Обсуждение материалов XX съезда проходило с активным участием преподавателей вузов, выразивших надежду на перемены к лучшему. Некоторые из них выступили за проведение демократических преобразований. Однако дальнейшие перспективы перестройки преподавания общественных наук были определены с учетом новых реалий, но при неизменности идеологической основы.

Анализируя региональную специфику проявления инакомыслия, можно сделать вывод, что постановка вопросов инакомыслящими преподавателями в Саратове и Сталинграде была в целом аналогична выступлениям в столице. Все они находились в определенных «заданных» пределах, были настроены на улучшение социализма, возвращение к разрекламированной самой партией «ленинским нормам». Однако по сравнению с Москвой и Ленинградом они оказались заметно слабее, не выходя за стены вузовских аудиторий. Очевидно, что на это влияла меньшая численность и активность местной научно-педагогической интеллигенции, студенчества, более слабое влияние западных коммуникационных и информационных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин, Ю. XX съезд КПСС и советское общество / Ю. Аксютин // Свободная мысль. – 2006. – № 2. – С. 186–197.
2. Аксютин, Ю. В. XX съезд КПСС: новации и догмы / Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев. – М. : Политиздат, 1991. – 222 с.
3. Аксютин, Ю. В. Новое о XX съезде КПСС / Ю. В. Аксютин // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 108–124.
4. Балиев, А. Большая ложь XX съезда КПСС / А. Балиев // Коммунист. – 2006. – № 3. – С. 77–84.
5. Годовой отчет о работе Сталинградского института инженеров городского хозяйства за 1955/56 учебный год // ГАВО. – Ф. Р-6564 [Волгоградский инженерно-строительный институт Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (1952–1994 гг.)]. – Оп. 1. – Д. 36. – 120 л.
6. XX съезд КПСС в контексте российской истории «Круглый стол» Института российской истории РАН // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 196–202.
7. XX съезд КПСС и его исторические реальности. – М. : Политиздат, 1991. – 416 с.
8. Докладная записка зав. отдела науки и школ А. Поцелуевой «Качество преподавания истории КПСС, политэкономии и философии» // ГАНИСО. – Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). – Оп. 2. – Д. 3840. – 326 л.
9. Медведев, Р. XX съезд КПСС: до и после / Р. Медведев // Преподавание истории в школе. – 2000. – № 7. – С. 25–34.
10. Отчетный доклад Сталинградского обкома КПСС XI областной партийной конференции 11 декабря 1957 г. // ЦДНИВО. – Ф. 113 (Волгоградский обком КПСС). – Оп. 56. – Д. 15. – 102 л.
11. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина. По итогам выступлений А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 года // Вопросы истории. – 2006. – № 8. – С. 3–22.
12. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина. По итогам выступлений А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 года // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 3–21.
13. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина. По итогам выступлений А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 года // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 3–24.
14. Плимак, Е. XX партсъезд: почему не был разоблачен сталинизм? / Е. Плимак, В. Антонов // Свободная мысль. – 2006. – № 2. – С. 167–182.
15. Протокол № 1 партийного собрания партийной организации Сталинградского механического института от 5 апреля 1956 г. // ЦДНИВО. – Ф. 4865

(Партийная организация политехнического института). – Оп. 1. – Д. 19. – 68 л.

16. Протокол № 10 общего открытого партийного собрания парторганизации Саратовского педагогического института от 4 октября 1956 г. // ГАНИСО. – Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). – Оп. 2. – Д. 3579. – 39 л.
17. Протокол № 3 закрытого собрания партийной организации Сталинградского института инженеров городского хозяйства от 15 марта 1956 г. // ЦДНИВО. – Ф. 10520 (Партийная организация инженерно-строительного института). – Оп. 1. – Д. 8. – 145 л.
18. Протокол № 5 закрытого партийного собрания Сталинградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича от 15 марта 1956 г. // ЦДНИВО. – Ф. 894 (Партийная организация педагогического института им. А.С. Серафимовича). – Оп. 1. – Д. 25. – 353 л.
19. Пыжиков, А. В. Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели / А. В. Пыжиков // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 47–57.
20. Хрущев, Н. С. О культе личности и его последствиях : докл. на XX съезде КПСС / Н. С. Хрущев // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170.
21. Шейнис, В. Л. XX съезд КПСС: история и современность / В. Л. Шейнис // Общественные науки и современность. – 2006. – № 4. – С. 112–185.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.
ГАВО	– Государственный архив Волгоградской области.
ГАНИСО	– Государственный архив новейшей истории Саратовской области.
Обком КПСС	– Областной комитет коммунистической партии Советского Союза.
Райком КПСС	– Районный комитет коммунистической партии Советского Союза.
РСФСР	– Российская советская федеративная социалистическая республика.
СССР	– Союз советских социалистических республик.
ЦДНИВО	– Центр документации новейшей истории Волгоградской области.
ЦК КПСС	– Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза.

**SOCIAL AND POLITICAL STATE OF PUBLIC OPINION OF SCIENTIFIC
AND PEDAGOGICAL INTELLIGENTSIA IN SARATOV
AND STALINGRAD AFTER THE 20th CPSU CONGRESS**

Ju. Yu. Baturina

The author analyzes the reaction of the faculty members in Stalingrad and Saratov universities on the report of N.S. Khrushchev «On the Personality Cult and its Consequences» at the 20th CPSU Congress. On the basis of archival documents recently available for scientific research, the major questions raised by the teachers at their party conferences are estimated, as including the attitude to Stalin, the causes of the personality cult, and on teaching social sciences disciplines.

Key words: *higher education, scientific and pedagogical intelligentsia, ideology, the 20th CPSU Congress, Saratov, Stalingrad.*